

Цена 20 коп.
Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

19
(1984)

ISSN 0132—2141

ЭДУАРД ПОЛЯНСКИЙ

КОМАРИНЫЙ ВОПРОС

Это шестой сборник автора в «Библиотеке Крокодила». Все автобиографические данные о нем содержатся в предыдущих книжках. Что избавляет читателя от необходимости еще раз запоминать год рождения автора и имя, отчество его тещи.

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 19

Эдуард ПОЛЯНСКИЙ

КОМАРИНЫЙ ВОПРОС

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
1985

Меня часто спрашивают: «Почему ты, Даладнов, даже не попытался пристроить свою дочь на какой-нибудь престижный факультет, а сразу бросил ее на подъем бытового обслуживания в качестве прозаической приемщицы драных штиблет?» На что я не менее часто отвечаю: «Я еще не совсем обезумел, чтобы делать гадости своему собственному дитяти. Достаточно, что сам пострадал по линии образования и как раз на блатной почве! И к тому же вместе со мной страдали другие, ни в чем не повинные люди».

И выкладываю кое-какие факты из своей биографии. Дядю моего, — пусть земля ему будет пухом, — хлебом, бывало, не корми, а дай возможность провонять блатное дельце. Имея разветвленную сеть могущественных знакомых, дядя все устраивал только через них, даже самое плевое дело, которое было по плечу нашему дворнику, лишенному каких-либо блатных рычагов. Не любил дядя, чтобы его влиятельные знакомые простаивали. Если ему нужен был торшер, он не отправлялся за ним в магазин, как все нормальные люди, — промышленность в то время как раз налегала на торшеры, решив, очевидно, обеспечить ими все читающее перед сном население стра-

ны, — а звонил своим знакомым. Эти знакомые с превеликим трудом доставали ему торшер мышиной расцветки, который в магазине ни один уважающий себя покупатель не взял бы и даром. Для дяди важен был сам процесс доставания, выбивания, проворачивания, он сделался наркоманом по блатмейстерской части и уже не замечал, что наносит вред себе и близким.

Я был его лебединой песней. Долго он поджидал, когда я закончу школу, и, как только это произошло, коршуном набросился на меня. — А поступишь ты на физмат! — изрек дядя, изучая мой аттестат зрелости, из которого по всем точным наукам нагло перли тройки.

Дядя не признавал легких путей. Он любил трудности, а что могло быть труднее, чем протолкнуть на физмат такого балбеса, как я (во всяком случае, в отношении точных наук). Честно говоря, тройки по физике и математике никак не отражали моих истинных познаний в этих предметах. Оценка, которую я на самом деле заслуживал, еще не придумана ввиду уникальности моего физико-математического багажа, но, думаю, могла бы составить сотые доли единицы. По остальным предметам я преуспевал, что и давало основание учителям физики и математики сделать смелое предположение, что я не столько балбес, сколько несуетный лодырь, и вывести в моем аттестате тройки. О, как они заблуждались, мои добрые учителя! На самом деле я добросовестно штудировал учебники, но все эти законы и теоремы, проникая в мою черепную коробку, не находили там должного гостеприимства и, разобидевшись, навсегда покидали ее.

Это не помешало мне, как вы догадываетесь, поступить на физмат. Дядя поднял на ноги свою блатную рать, которая убила ректора, что во мне дремлет будущий Ньютон, о чем свидетельствуют мои тройки — гениев, известное дело, поначалу недооценивают. Впрочем, вскоре выяснилось, что дядя, как и в случае с покупкой торшера, лопился в открытую дверь: на физмате был недобор, брали всех желающих.

Приступив к учебе, я понял, что приговорен к пяти годам с содержанием в колонии усиленного режима, с конфискацией всех моих несбывшихся мечтаний. А мечтал я работать в зоопарке, желательно с ластиногими, с тюленями, с морскими львами, моржами всякими.

Дядя конфисковал всю мою живность. Сейчас я вспоминаю о ластиногих только во время бессонницы. Врачи советуют, когда не спится, думать о чем-то приятном.

Освободили меня досрочно, на первом же году учебы. За это время я успел довести одного преподавателя до нервного истощения, у другого, весьма интеллигентного на вид, медики обнаружили неизвестный ранее синдром: когда называли мою фамилию, он впадал в глубокий обморок. Когда при этом снова произносили мою фамилию, этот бедолага, не приходя в себя, выкрикивал лозунги весьма некуль-

турные: «Свернем скулы тупице!» Или: «Ударим по пустой черепной коробке!» Третий преподаватель пытался дать мне крупную взятку, чтобы я немедленно покинул вуз. Как честный человек, я был крайне возмущен его предложением и пригрозил обратиться в следственные органы. Если бы не моя щепетильность, я, может, и сам подкупил весь деканат, только бы навсегда вытряхнуть из своих намученных мозгов все эти недоступные для меня формулы, да боялся дядю обидеть.

Вся надежда была на экзаменационную сессию, благополучно миновать которую я никак не мог — разве что экзаменаторов подкосит инфекционный менингит. И действительно, после сессии меня с треском выдворили из института, но дядя нисколько не обиделся, а даже, наоборот, обрадовался представившейся возможности поразмять косточки на блатной ниве. Не дав мне глотнуть свежего воздуха, он, проведя изящную комбинацию, внедрил меня в физкультурный институт.

Когда-то в детстве я догнал свою восьмидесятилетнюю прабабушку. Она отправилась на прогулку без галوش, и мне удалось всучить их прабабуле у соседнего подъезда. Это было, пожалуй, самое крупное достижение в моей спортивной жизни. Единственное, что роднило меня с большим спортом, — это неотступные травмы. Освоение чуть ли не каждого спортивного снаряда на уроках физкультуры кончалось для меня переломом руки или ноги.

Как большой специалист по части переломов, я стал горячо обсуждать со своими новыми однокашниками, какие кости у спортсменов наиболее ломкие, и вскоре в качестве иллюстрации сломал себе ребро, предварительно исполнив оригинальный танец на льду. Вообще-то я бежал «пятисотку», но поскольку до этого мне не приходилось бегать на коньках, одно сломанное ребро (а не два и не три) можно считать моей второй спортивной вершиной.

Едва ребро срослось, как меня сунули в воду. Это было водное поло.

— Интенсивное плавание тебе противопоказано, — сказали мне, — но на воротах, ничего, можешь.

Сначала я висел на штанге. Потом безрассудно оторвавшись от нее, метнулся за мячом, левевшим в ворота, и камнем пошел на дно. Там я стоял, но не на воротах, а под ними. Стоять на твердой почве было куда приятнее, чем болтаться на штанге, хотя на дне я и испытывал некоторое неудобство от необходимости заглатывать в большом количестве воду. Другое неудобство было связано с чувством одиночества. Заскучав под водой, я ухватил за ногу своего защитника и увлек его на дно. С ним стало гораздо веселее. Пытаясь освободиться, он повредил мое незажившее ребро. Доломали его уже наверху, выдавливая из меня воду.

— Ну что же, в спорте ты сказал свое веское слово, — решил дядя, когда ребро вновь срослось. — Только большие спортсмены, штурмую-

щие рекорды на пределах человеческих возможностей, получают столько травм. Ты не щадил себя на спортивных полях и уходишь из спорта с достоинством. Уходишь в артисты.

— Да ладно тебе, дядя, издеваться! — не поверил я. — Все артисты — красавцы, а у меня уши под прямым углом.

— Уши твои никому не нужны. Нужна рука, а она есть в лице Дормидонта Ивановича. И не привередничай. Устраиваю, куда могу. Вот в автодорожный — не могу и не проси. А в артисты — раз плюнуть. Или ты неучем хочешь остаться?

Неучем остаться я не хотел.

— А то давай женю. Невесту потолще подберу, сразу тройню выдаст.

Тройня меня тоже пока не прельщала. А, надо сказать, дядя мой по совместительству еще был и поставщиком невест. Этого его хобби следовало еще больше опасаться. Почему-то дядя специализировался по невестам тяжелой весовой категории. Судя по габаритам дядиной жены, это соответствовало его вкусу, а со вкусами других дядя мало считался. Поэтому я пошел в артисты.

Дядя повел меня на квартиру профессора театрального института Дормидонта Ивановича. Профессор взглянул на меня и поскучил. Но отступать ему было некуда. Месяц назад дядя помог вступить в жилищный кооператив его сыну.

— Даю бессмертную строчку: «Вороне где-то бог послал кусочек сыру», — обреченно сказал Дормидонт Иванович. — Преподнесите мне ее, голубушку.

Я, не долго думая, преподнес:

— Воронегдетобогпослалкусочексыру.

Профессор потряс своей головой так, словно на ней было написано: «Перед употреблением взбалтывать».

— Какая-то манная каша, — скривился Дормидонт Иванович. — Прошу иметь в виду — в строчке шесть слов. Выдайте каждое в отдельности.

Я выдал. Все шесть в отдельности. Перечисляя слова, я загибал пальцы, чтобы не просчитаться, и после каждого слова делал паузу. Тем не менее Дормидонт Иванович опять взболтнул содержимое своей головы. И тоже сделал паузу. Во время его паузы все мы — я, дядя и профессор — пристально изучали друг друга, не зная, что сказать.

Наконец Дормидонт Иванович выдал:

— Оставим в покое строчку. Скажите одно слово: «ворона».

— Во-ро-на, — растянул я ворону, на всякий случай подсчитывая на пальцах слоги.

— Приятного аппетита, — сказал профессор. — Лисица еще не съела сыр, а вы уже скушали кусок вороны. А именно букву «р».

— А я эту букву съедаю не только в вороне, — поспешил заверить я Дормидонта Ивановича, втайне надеясь, что на этом моя артистиче-

ская карьера закончится. — Могу слопать ее в радиоприемнике. Или в ресторане. Везде могу.

Но напрасно я надеялся. Загибаю пальцы: оттопыренные уши, дефект речи, вопиющая бездарность — все это не помешало мне поступить на актерский факультет. Очевидно, Дормидонт Иванович, оказавшийся к тому же председателем приемной комиссии, после нашего ухода долго и усердно взбалтывал свою голову, потому что продукт он извлек из нее удивительный.

— Даю трудное, очень трудное задание, юноша, — сказал этот хитроумный муж, когда я предстал перед экзаменаторами. — Не уверен, что справитесь. Прочтите-ка, голубчик, бессмертную басню «Ворона и Лисица», не проинося букв «р».

С поставленной задачей я справился блестяще, вызвав бурные аплодисменты экзаменаторов. Ловушка захлопнулась, и, к моему ужасу, я был зачислен.

Сразу же выяснилось, что буквой «р» я питаюсь более регулярно, чем хотелось бы. Ну, думаю, Дормидонт Иванович, оброк ты меня на муки и унижения, на бесполезное растрачивание жизненных сил, для тебя жилые метры родимого сыночка дороже человеческой судьбы — так держись теперь, вволюшку наболтаешься своей профессорской головой. И всю вину за собственное поедание буквы «р» переложил на Дормидонта Ивановича.

— Перенапрягся я, заикнулся где-то, входя в образ, а выйти не могу, — объяснил я свой речевой дефект преподавателям. — Слишком уж ваш профессор тяжелые задачки дает. Так вообще свихнуться недолго.

Ректор сделал Дормидонту Ивановичу внушение. Три месяца весь профессорско-преподавательский состав напряженно ждал, когда я расциклюсь. Все обвиняли Дормидонта Ивановича в безжалостности к абитуриентам. Наконец его голова в результате каждодневных взбалтываний родила покаянное письмо ректору. В нем Дормидонт Иванович, признавая некоторые свои заблуждения по линии отбора абитуриентов, напрочь отвергал обвинения в жестокости к ним.

«Кстати, эта лопухая бездарь, как мне удалось только что выяснить, — писал Дормидонт Иванович, — не выговаривает букву «р» с пеленок. И нет слов, чтобы выразить свое возмущение этим притким юношей, который сумел одурачить приемную комиссию».

За одурачивание меня отчислили. В итоге по сумме трех попыток я несколько лет буксовал на одном месте. Дороговато, как видите, обошлись мне блатные эксперименты дяди. А вы хотите, чтобы я экспериментировал с родной дочерью. Нет уж, увольте!

КОМАРИНЫЙ ВОПРОС

Наш отдел занимается учетом комаров, существует не первый год. Техническое оснащение у нас примитивное: блокноты и ручки. Как только появляются первые комары, мы разбиваем нашу область на тридцать регионов — по числу сотрудников в отделе — и разъезжаемся кто куда.

Своей работой мы довольны. Весной и летом на свежем воздухе, все остальное время осмысливаем собранный материал. Строго говоря, на осмысление уходит две недели. Затем, от нечего делать, потихоньку начинаем переосмысливать осмысленное. И так до следующего сезона. Сверху не дергают — комариный вопрос не самый насущный. Скажу больше: в различных слоях населения приходится сталкиваться с его недооценкой. Хотя все сходится на одном: раз есть у нас комары, их надо учитывать. А как же иначе: областная общественность должна знать, сколько комаров приходится на душу населения. Так ей спокойнее.

Вообще-то мы побаиваемся, что когда-нибудь изобретут эффективное средство для уничтожения комаров и наша служба отомрет. Но, думается, на наш век комаров хватит. Все же на всякий случай, чтобы внимания к себе не привлекать, начальство стараемся не огорчать, законов на службе не нарушаем. Впрочем, с нашей спецификой их при всем желании не нарушишь.

Расхищать в отделе, разве что кроме кровососущих, нечего, взятки, скажем, стимулирующего характера — за более тщательный подсчет комаров в том или ином хозяйстве, — нам не дают: на селе, увы, в подходе к комариному вопросу все еще процветают косность и прагматизм.

Приписки из-за отсутствия премий лишены смысла: мы только фиксируем численность комаров, увеличение или уменьшение их поголовья от нас не зависит. Во всяком случае, так нам казалось до прихода в отдел Сиамского.

Сиамский, вступив в должность зама по общим вопросам, сразу же открыл нам глаза. Мы увидели комара с неожиданной стороны.

Мы поняли, как много возможностей таит в себе это заурядное насекомое. Выяснилось, что взятка за комаров не такая уж нереальная вещь, когда за дело берется специалист по общим вопросам. Благодаря кипучей деятельности Сиамского на комара появился спрос. В разгар комариного сезона одна из «районов» напечатала маленькую заметку под рубрикой: «Это интересно!». Заметка называлась «Кровопийца и лекарь». В ней говорилось: «Согласно последним исследованиям профессора Э. Смита (Северо-Восточная Постландия), всем хорошо известный комар не только сосет нашу кровь, но приносит человеческому организму пользу, которую трудно переоценить. Как удалось установить с помощью изотопа, введенного в комара, а затем

«переадресованного» им в человека, комар вводит в нас фермент, излечивающий от тяжких недугов и продлевающий человеческую жизнь. Аналогичные опыты, проведенные с коровами, показали, что молоко буренок, покусанных комарами, в полтора раза жирнее и богаче витаминами, чем молоко непокусанных животных. В довершение ко всему скажем, что древние индейцы использовали отвар из сушеных комаров против кожных заболеваний».

О заметке, сочиненной Сиамским, заговорила вся область. Ее переписывали и передавали из рук в руки. И в письменных и в устных интерпретациях она обрастала еще более удивительными подробностями. Ценность комара постепенно разрасталась, и вскоре стали считать, что по целительным свойствам он оставляет далеко позади себя такие чудодейственные средства, как прополис, облепиху и корень женьшеня. Легковерные люди отдавали себя и коров на съедение комарам, отлавливали и сушили комаров, как грибы, настаивали их на спирте, консервировали, как помидоры, и протирали с сахаром, как черную смородину. В городских магазинах покупатели требовали молоко только от покусанных коров, иного не брали. Хорошо, что торговля быстро сориентировалась и во избежание убытков пошла навстречу покупателям, указывая на ценниках, что молоко именно-таки от покусанных коров, чем еще больше укрепляла веру населения в комариную целебность.

Через какой-то месяц комары сделали жутким дефицитом. Наметилась даже некоторая конфронтация между желающими быть покусанными и теми, кто лишал их этого удовольствия, в несметных количествах заготавливая комаров на зиму.

Настал звездный час Сиамского. Только нашему отделу было известно, в каких болотистых глубинках области сохранились еще комариные популяции. К нам хлынул поток людей с просьбами, вопросами и даже жалобами. Отдельные граждане и целые организации желали немедленно отправиться в укромные глубинки, кишящие комарами. Сиамский, к общим вопросам которого относилась и связь с внешним миром, выходил в предбанник, набитый людьми, и, напуская неприступность, ледяным голосом информировал:

— Граждан, не имеющих областной прописки, просим не беспокоиться: местные комары — достояние области, и мы не позволим разбазаривать их куда попало. Остальных прошу приготовить следующие документы: справку от врача о том, что вы не соприкасались с инфекционными больными, — мы не можем подвергать риску подведомственных насекомых; характеристику с места работы с указанием морального облика — людей аморальных комар брезгует кусать; справку от техника-смотрителя об отсутствии или наличии в жилом фонде домашних кровососущих, которые, как показывает практика, изымают у человека тот самый комариный фермент и сводят его усилия на нет; и, наконец, документы об образо-

вании — есть болота, где комары кусают избирательно, только объекты со среднетехническим образованием. Представители организаций должны иметь справку-гарантию по форме номер 139.

Затем Сиамский внимательно выслушивал посетителей. Вопросы задавались самые различные:

— Если прописана жена, не могут ли комары вместо нее покусать меня?

— Откуда комару известно, кто аморальный, а кто нет?

— Нет ли отдельного болота для семейного обслуживания?

— Где взять форму номер 139 и нельзя ли вместо нее предъявить справку о выполнении квартального плана?

— Не волнуйтесь, граждане, — успокаивал собравшихся Сиамский. — Мы не бюрократы какие-нибудь. Как говорится, возможны варианты. Постараемся учесть все запросы. Буду разбираться с каждым в отдельности. Заходите по одному.

Можете не сомневаться, что Сиамский удовлетворил самые разнообразные запросы, каждому дал адресок уютного, изобилующего комарами болотца. В каждом отдельном случае он шел навстречу клиентам, правда, после некоторой правильно трактуемой посетителями борьбы с чувством долга, который повелевал ему соблюдать строжайшие правила, им же придуманные.

Наши учетчики, сидевшие в это время на болотах, параллельно с подсчетом комаров прикинули и количество обнаженных клиентов Сиамского и примерную сумму, которую выудил из них зам по общим вопросам.

— Прохиндей он, конечно, и взяточник, — судачили они, собираясь на ежекадную летучку. — Но и талантище по-своему. Наживаться на комаре — кто бы мог подумать! Такой далеко пойдет. Стукнуть бы, куда следует, да боязно — вникнут чего доброго и прикроют контору.

А Сиамский уже приступил к заготовке комаров. Для этого он сколотил несколько бригад ловцов комаров из пенсионеров и школьников.

Как он расплачивался с ними, каким образом сбывал улов, никто не знает. Да это и неинтересно тому, кто далек от комариного промысла. Интересно, что один из пенсионеров подал на Сиамского в суд. Якобы тот присвоил себе добытых им комаров. В количестве 100 штук. Суд в иске отказал: сотня комаров, это хотя и немало, но все же не сотня рублей. Но мы-то несколько не сомневались, что комаров Сиамский присвоил. И была это первая в истории криминалистики кража комаров.

Покусочно-заготовительная деятельность Сиамского подрубил под корень наше учетное дело. Местных комаров занесли в Красную книгу. Отдел за ненадобностью прикрыли.

Сиамский перешел в отдел туманов. На комарах он построил дачу, сумеет пожить и на тумане. Сейчас он бьется над его расфасовкой..

КАПУСТА И КАЛЬКУЛЯТОР

Дед Василий собрался помирать. Было это лет пять назад, а он до сих пор умирает. Он всегда, каждую минуту помнит, что умирает, чем бы ни занимался. Рубит дрова — умирает, наворачивает свою любимую перловку — тоже умирает. И постоянно размышляет о смерти: про себя и вслух. Окружающие привыкли, что иных тем дед Василий не признает...

Бабке Зинаиде, его жене, жалко было денег на напольные весы, которые дед приглядел в сельпо. За всю свою жизнь бабка Зинаида ни разу не взвешивалась, и это не помешало ей дожить до глубокой старости, вырастить трех сыновей и семерых внуков.

— Бог, он в любом весе приборет, — пыталась разгагитировать она деда. — Ты еще трельяж купи, чтобы напоследок получше разглядеть себя.

— Погляделку, положим, устраивать противно, — отстаивал дед свою блажь, — обличье мое на данном этапе не шибко киноактерское. Знать же, в какой весовой категории отдаешь концы, никому не мешает.

— Взвесься на овощехранилище.

— У Дуньки-то? Как же, наслышаны про ее фокусы. Того и гляди, пару кило недовесит.

По части аргументации бабка не слабак:

— Не картошка ты, что у тебя зажучишь? Кожу да кости?

Но и дед даром что без пяти минут покойник, а на аргументы тоже мастак.

— Кожу да кости. Именно. Привычка вредная у Дуньки выработалась, супротив привычки не попрешь. Что ни брось на весы, хоть коровьи лепешки, свой процент она не упустит.

— Коровьи лепешки для огорода полезны, — вредничала бабка Зинаида. — А твои кожа да кости вещь никчемная.

— Отчего же, — обиделся дед Василий. — Кожа на барабан сгодится, а кости — на барабанные палочки.

— Вот станешь барабаном, тогда и взвесим.

Тут дед неожиданно впал в меланхолию. Он представил себя барабаном, и ему стало жалко себя. Жил себе поживал, растил свеклу и картофель, поставил на ноги детей и вдруг — барабан. Вещь в общем-то в хозяйстве бесполезная.

И дед брякнул:

— Не хочу барабаном. Шум от него один. Хочу картофелеуборочным комбайном.

— Спятил, старый?

Бабка тревожно взгляделась в деда Василия — не отходит ли, не бредит? И на всякий случай извлекла из комода таблетку. От какой хвори дед собирался помирать, никто не знал, поэтому бабка сунула ему таблетку аспирина, который сама очень уважала и принимала при любом недомогании.

Дед от таблетки отказался (зачем зря добро переводить), лег на кушетку, руки сложил на груди и закрыл глаза.

— Хотелось мне как человеку помереть, — слабо процедил он, — да, видно, не судьба. Так и помру не взвесившись.

Бабка Зинаида захлопотала и понеслась в магазин.

Вернулась она с весами. Дед сидел за столом и уминал огромный ломоть хлеба, густо намазанный маслом и медом.

Весь остаток дня дед Василий взвешивался сам, взвешивал бабку Зинаиду, кота Проню. Переполошил кур, отлавливая их для той же цели. И все восхищался весами, оглаживал их, вертел инструкцию. А потом ударился в теории.

— Для честных людей весы, — заключил он. — Ворам и прочим жуликам просто погибель с ними. Взять Дуньку. Для нее очень вредный инструмент. Препятствует надзвательской деятельности. Знаем Дуньку — гирьку туда-сюда пальчиком подвигает, глядишь, не в убытке. А тут сплошной убыток. Главное, руки ни к чему не приложишь. Стой и гляди в увеличительное стекло. Все тут, как в телевизоре, видать. Надуй попробуй.

— Дунька надует, — не согласилась бабка Зинаида. — Ее телевизором не перешибешь.

— Дунька может обвести технику вокруг пальца, — не стал упорствовать довольный покупкой дед. — А весы все равно замечательные. Так целый день и простоял бы на них.

— Хоть год стой, — разрешила бабка Зинаида.

— Помираю я, — напомнил дед. — А то бы и год стоял.

Через год дед Василий не помер. Но к весам охладел — сейчас они пылялись под шкафом. Зато пробудился у него интерес к микрокалькуляторам. Такой уж передовой дед, обидно ему помереть в стороне от технического прогресса. Бабке с ним, конечно, разорение, а ничего не поделаешь — человек одной ногой в могиле стоит, как не выполнить и этой его просьбы. Купила она деду калькулятор. И мало того, что вещь сама по себе не дешевая, так от нее и дальше траты. Деду-то на практике штукунину эту опробовать хочется. Ну посчитал он соседскому мальчонке примеры, сложил свой год рождения и бабкин, еще кой-какие цифры из газеты. А где польза хозяйству?

Вот дед проводит ревизию в буфете и говорит бабке Зинаиде:

— Что-то у нас продукт весь в доме перевелся. Перловка

кончается, соли кот наплакал, чайной заварки совсем нету. Глянь, бабушка, чего еще не хватает. Ступай в магазин.

Бабушка ахает, как же так, чуть деду без перловой каши не оставила. А не понимает, глупая, не о перловке печется дед. Ему невтерпёж подсчитать на калькуляторе бабушкины расходы.

Приносит бабушка Зинаида продукты, выкладывает их из сумки. Дед Василий тут как тут: пытается бабушку что почем, сколько денег с собой брала, а сам, знай, на кнопки жмет.

— Так, бабушка,— говорит,— вывел я тебя на чистую воду с помощью научно-технического прогресса. Не хватает двух копеек. Отвечай, как на духу, куда дела?

Бабушка Зинаида обмирает, с опаской смотрит на калькулятор.

— И впрямь монетка под прилавок закатилась. Колдунья, а не машинка. Все видит.

— Ой, плохи твои дела, бабушка,— дурачится дед.— Поостерегись, ежели любовь на стороне крутишь. Вмиг машинка выдаст полюбовника.

Бабушка Зинаида трясется в беззвучном смехе.

— А и полюбовник — тебе что за печаль? Помираешь и помирай.

— И помру, — обиделся дед.— Чтоб у твоего хахалы последний зуб выпал.

Он улегся на тахту, сложил руки и закрыл глаза. Но опять не помер. Помирать умеючи надо и на сытый желудок. А дед голодный был. Пришлось временно не помирать. После смерти кашей не полакомишься.

Нет, не брала смерть деду Василия. Пережил он калькулятор — бабушка засолила этот продукт прогресса вместе с капустой. Видно, во сне обронил его дед с печи, да прямо в кадку. Весь дом перерыл он в поисках своей игрушки, а не найдя ее, поскуливал, затосковал и от большого огорчения чуть на самом деле не помер. Но обошлось. Только к исходу зимы, когда кадку опорожнили, дед вилок подцепил калькулятор. В затяжной битве с электроникой соленая капуста одержала верх.

Дед Василий окончательно потерял контакт с научно-техническим прогрессом. Больше ничего прогрессивного, если не считать итальянских джинсов, в селю не продавалось.

Сидит дед на завалинке, в газетках про космос все выуживает. Про спутники всякие, корабли, межпланетные станции. И обидно до слез деду, что такая кутерьма на небе разворачивается — того и гляди человека на другую планету запустят, а ему в деревянном корабле совсем в другом направлении отбывать.

Тут подходит к нему внучка Варя, между прочим, учительница математики.

— Брось,— говорит,— дедушка, помирать. Нашей школе как раз прогрессивный, вроде тебя, сторож необходим. Кабинет у нас компь-

ютерный оборудуют, базовые мы в районе, на острие технического прогресса.

Глазенки у деда засветились. Все он понял, недаром газетки почитывает, но для куража спросил у внучки:

— Это как же, базовые? Склад при школе?

— Не склад, дедуня, а учебный центр. Техника дорогая, ее с пониманием охранять надо, а ты у нас технику уважаешь. Только, чур, с капустой ее не засаливать.

Теперь дед Василий при школе, охраняет компьютеры, а помирать, находясь на самом острие научно-технического прогресса, просто глупо. Не прогрессивное это занятие — помирать, не в духе нашей энергичной эпохи.

НЕБЫЛИЦЫ ЗИМАЕВА

Ребенка Зимаев не хотел. Но он все равно родился, не спросив у него согласия. И как бы издеваясь над Зимаевым, по ночам включал свою сирену. Зимаев спросоня двигал ногой в спинку кровати, нащупывая тормоз. Одновременно он пытался нащупать на голой груди карман, а в нем водительские права. Наконец, врубившись и смекнув, что воет не милицейская сирена, а его собственный сын, нехотя отрывал голову от подушки и в свете ночника всматривался в младенца.

— Не ребенок, а инспектор ГАИ, — сетовал Зимаев. — Скоро штрафовать начнет.

Когда сын немного подрос, у него появился свисток — подарил кто-то из гостей, — и он целыми днями свистел в него.

Зимаев работал продавцом магазина «Мужская одежда». Торговал он костюмами, зарплату имел скромную, что никак не соответствовало его образу жизни.

Свистки нервировали Зимаева, в голову лезла всякая чепуха: то газетная заметка под тошнотворным заголовком «И поделом!» — о продавце, который, как и Зимаев, извлекал выгоду из дефицита; то строки из письма бывшего сослуживца, отсиживающего срок: «А кормят здесь сытно, на завтрак и ужин каша (дают добавку), благодаря физическим нагрузкам бессонницей не страдаю».

Кашу Зимаев ненавидел, особенно манную, он любил мясо с черносливом в горшочке и салат с крабами. Поэтому будущий приговор суда гр-ну Зимаеву В. К. виделся ему таким: «Жулику Зимаеву В. К. определить наказание в виде лишения свободного выбора еды на семь лет и насильного кормления его манной кашей — на завтрак, обед и ужин, а также непосредственно перед сном, чтобы исключить мясные и крабовые сновидения».

Издерганный шумовыми эффектами, исходящими от сына, свой арест Зимаев рисовал себе весьма затейливо. В момент получения им взятки от покупателя в торговый зал будет введена рота дюжих милиционеров, вооруженных свистками. Под залиvistый свист он проследует по коридору, образованному милиционерами, в машину с маленьким зарешеченным окошечком. Несколькое позже, после завершения следствия, машина с включенной сиреной доставит его к зданию суда. В суде он будет изворачиваться, врать, судья тоже будет свистеть и в конце концов покажет ему красную карточку. Его уведут с поля, из игры, из полноценной жизни.

Нет, не позавидуешь Зимаеву: меч Фемиды в образе манной каши, сын-садист, жена — передовик производства.

Как женщину Зимаев жену любил. Как ударницу труда ненавидел. С ударником, который потом и кровью добывает свой трудовой рубль, не поговоришь по душам о тонкостях его тайного промысла, не поделишься с ним своими страхами и переживаниями, а в случае провала — манной кашей. А главное, не скажешь, откуда в доме лишние деньги.

Приходится плести небылицы, пользуясь простодушием передовика труда.

Небылица первая. Он работает на космос, изучает спрос на космические скафандры, которые скоро появятся в продаже. Попутно избрал принципиально новый парашют, на котором можно опуститься на Землю непосредственно с орбиты. Попутно наговорил на диктофон фантастическую повесть, которую издали массовым тиражом, но по соображениям секретности под псевдонимом.

Небылица вторая. В Таганроге умерла тетка, оставив Зимаеву, единственному наследнику: стол однотумбовый — один, кровать с панцирной сеткой — одна, табуретки — две, полка кухонная — одна, кошка — одна, петух — один.

От мебели Зимаев отказался, за кошкой и петухом выехал в Таганрог.

Вернулся он с кошкой и деньгами на машину: в петухе, который вел себя крайне агрессивно и которого Зимаев прирезал, съев его на обратной дороге, оказался уникальный гарнитур старинной работы: перстень, серьги, кулон. Так оригинально хранила тетка свои драгоценности — понятно, отчего петух был не в духе.

Небылица третья. Получил страховку от Международной ассоциации кинозрителей за прадедушку, который умер от страха во время демонстрации первого немого фильма.

С соседями было проще: Зимаевы только что въехали в новый кооперативный дом, поэтому соседей, если они проявляли любознательность, легко было накормить разговорами о превратностях африканского климата, который так непривычен для жителя средней полосы, о страстных экваториальных женщинах (чем ближе к эквато-

ру, тем больше в них страстности), о священных носорогах, которые бесцельно бродят по африканским городам и до того приручились, что даже выклянчивают у прохожих мороженое.

— Но вы же понимаете, — добавлял Зимаев, — в Африку я ездил не для того, чтобы кормить носорогов мороженым: как говорится, ничто человеческое нам не чуждо.

И соседи, такие же доверчивые, как жена, верили, что процветание Зимаева связано с его поездками в Африку. Но некоторые из них, на беду Зимаева, проявляли повышенный интерес к Черному континенту. Особенно докучал ему сосед по лестничной площадке.

— Я только что вышел на пенсию, — объяснил он свое любопытство, — и поэтому сгораю от нетерпения послушать про жаркие страны.

Он подкарауливал Зимаева у подъезда и засыпал его самыми разнообразными вопросами:

— Много ли акул у африканского побережья, не нападают ли они на купальщиков? Растут ли в Африке огурцы и если да, то известно ли тамошнему населению, что такое малосольный огурец? Водятся ли на экваторе лягушки и если да, то как они переносят жару?

Вопросы эти ставили Зимаева в тупик. Ему пришлось записаться в районную библиотеку и проштудировать всю имеющуюся в ней литературу про Африку.

Заодно он взял уголовный кодекс и залпом проглотил его. Зимаева огорчило, что хулиганам, то есть возмутителям тишины и спокойствия, срок полагается меньший, чем мирным, respectableм взятчиками.

«Как это так, — недоумевал Зимаев, — культурный человек, который никогда не опускается до мордобития, а, наоборот, оказывает услугу ближнему, считается более опасным, чем хулиган?»

Но, с другой стороны, кодекс и порождал Зимаева своей насыщенностью, многообразием преступных проявлений, среди которых попадались и более тяжкие, более омерзительные, чем его тайный промысел.

Сын у Зимаева рос смысленным и годам к десяти раскусил его. Узнав от матери и соседей о его небылицах, он принялся травить отца.

— Я слышал от соседей, что по африканским городам слоняются священные мамонты, — сообщил он как-то за завтраком. — Но самое удивительное, что эти мамонты больше всего на свете любят щелкать семечки.

За ужином он разрабатывал космическую тему:

— Отец, ты не знаешь, когда в твоём магазине выбросят космические скафандры? Наш класс во время зимних каникул отправляется в путешествие на Марс, уже арендован корабль, закуплены парашюты для спуска с Марса на Землю. Нет только скафандров.

Или вдруг такой выдаст пассаж:

— В одной стране Клуб кошководства выразил протест против использования кошек в качестве ходячих сейфов. Все чаще хозяева кошек заставляют своих питомцев глотать драгоценности, чтобы сберечь их от гангстеров. Гангстеры, узнав об этом, стали вспарывать животы всем кошкам, которые попадают им на глаза, что привело к резкому падению численности кошек. Тотчас же расплодились мыши, кое-где они свободно бродят по улицам, словно священные животные.

Это было почище свиста. Вконец издерганный и затравленный Зимаев решил понемногу готовиться к лишениям и даже посадил себя на манную кашу.

Сослуживец, писавший ему письма, к тому времени уже вернулся и одобрил начинание Зимаева. Он же посоветовал ему провести очередной отпуск на лесозаготовках.

СКАЗКИ НА НОВЫЙ ЛАД

Беззубый дракон

В одном триединнадцатом царстве жил-был царь. У царя было три сына: один рябой, другой косой, а третий дурной. И ничего эти сыновья делать не умели. Только слонялись и портили жилфонд, всюду вырезая ножичками эмблему «Спартака». Когда сыновья выросли, говорит им царь:

— Смотреть на вас, лоботрясов, противно. Ступайте куда глаза глядят, а лучше всего в трипятнадцатое царство. Там, говорят, дракон объявился, всех подряд жрет, покажите ему, как надо вести себя в приличном обществе. А заодно невест присмотрите, тогда и возвращайтесь.

Вот приходят братья в трипятнадцатое царство. И видят: действительно кружит над ним огромный дракон и всех, кого засекает, проглатывает.

— Э-э-э, да он беззубый,— говорит рябой.

— И старый,— говорит косой.

— И страдает несварением желудка,— говорит дурной.— Пожалеем старикашку. Не позволим засорять собой желудок.

При этих словах он срывает бельевую веревку и привязывает к себе своих братьев. Прилетает дракон, пытается проглотить царских сыновей, да не тут-то было. Не входят они все вместе в его пасть. А разжевать нечем. Мусолит дракон братьев, а все без толку.

Зато братья времени даром не теряют, достают ножички и давай на шкуре дракона спартаковские эмблемы нарезать.

Взвыл дракон и улетел навсегда.

Тут высыпал народ на улицы. Выбрали царские сыновья самых красивых невест и поехали домой. Рассказали отцу, как они с драконом сражались.

— Вот видите, — сказал довольный царь, — болеть за «Спартак» можно с большой пользой для себя и окружающих. А то взяли моду — жилой фонд уродовать!

Зависть

Баба Яга люто завидовала Кощею Бессмертному. Но виду не подавала. При встречах по обмену опытом была любезна с ним, живо интересовалась его статистикой по истреблению добрых молодцев, разразительно смеялась, когда Кощей рассказывал про них и красных девиц анекдоты, и вместе с тем жгучая зависть постоянно клочкотала в ней.

Все у Кощея было лучше, основательнее, престижнее, чем у нее. Замок под небесами, а не какая-то кривоногая избушка, которую все, кому не лень, поворачивают к себе передом, а к лесу задом. Фирменный заграничный меч, а не заурядная и безобидная в общем-то метла, из-за которой многие видят в ней простую уборщицу.

Казалось бы, уж чему завидовать, так это бессмертию Кощея. Но как раз главное преимущество Кощея Бабу Ягу не волновало. А завидовала Яга смерти кощейевой, вернее изяществу, с которым она была упакована. Это же какая прелесть: стоит сундук под дубом, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце смерть! Усматривала Баба Яга в этом особый шарм, утонченность: прямо не смерть, а подарочный набор — ленточкой только перехватить.

Ослепленная завистью, Яга выписала себе за границей такой же сундук, а не сообразила, что важнее упаковки надежность. А какая тут надежность, если ты в одном месте, а смерть твоя в каком-то ящике. Подберется кто к ней, как защититься?

Оно и вышло. Наткнулись на сундук случайные люди, потушили яйца, поджарили утку, а из яйца сделали глазунью.

Так не стало Бабы Яги. А виной всему зависть.

Педагогический казус

Один великан очень любил пошалить. А у великанов какие шалости? То на дом присядет отдохнуть — дома как не бывало. То на корову дунет — месяц ищи животину, не сыщешь. А еще развлекался: облака, как белье, выкручивал, наводнение устраивал. Заполнит низину водой и давай кораблики пускать. Глупый еще был великан — дошкольного возраста. Что с него взять! А родители у этого великана тоже были великаны. Но вполне приличные, тихие, работающие, даже непьющие. Все это знали и не могли понять, как у таких образцовых

родителей растет такой негодник. Ведь в воспитании первое дело — личный пример. Это доказано педагогической наукой. А с личным примером у родителей хулигана был полный порядок. Только не желал сынок следовать этому личному примеру.

Вызвали родителей в суд. Судья возмущен:

— Какое право имеет ваш сынок идти наперекор науке? Сейчас же платите штраф в 100 дукатов за неуважение к научным аксиомам.

Пошел малый в школу. И начал поворовывать. То трактор в карман сунет, то поросенка как бы невзначай рукавом подцепит. А пуще всего любил таскать бутерброды из портфелей одноклассников.

А школа была образцово-показательная, класс, в котором учился великан, был в ней лучшим. О дурном влиянии школы на великана говорить не приходилось: и учителя, и ученики показывали ему замечательный пример.

Вызвали в суд директора школы. Судья опять за педагогическую науку стоит.

— Не по науке ваш случай. Платите 200 дукатов.

Попал великан в самый лучший институт. Стал спекулировать, опять явив собой исключение из общего педагогического правила. Оштрафовали ректора на 300 дукатов.

Поступил великан на службу, в учреждение, которое ставили в пример не то что отдельно взятым великанам, а целой отрасли. Стал великан клеветать на сослуживцев, хотя никогда ему такого примера не подавали.

Оштрафовали директора учреждения на 400 дукатов.

Вышел великан на пенсию. Стал хулиганить, поворовывать, спекулировать и клеветать. Возмущался судья, а в суд вызывать ему некого. Нет нарушителя научной аксиомы.

Самого великана судья почему-то нарушителем не считал.

Леший № 4

В одном лесу состоялось собрание местных леших с повесткой дня: «О моральном разложении лешего № 4».

Не знаю, как в других местах, а в этом лесу все лешие были под номерами. И это правильно: должны же лешие хоть чем-то отличаться от людей. Иначе путаница может произойти. Допустим, выехало ваше учреждение по грибы и от коллектива отбился Николай Арнольдович. Вы хором скандируете: «Николай Арнольдович, мы уезжаем!» А откликается другой Николай Арнольдович — здешний леший. Он садится в ваш автобус, а подмену можно и не заметить, некоторые Николай Арнольдовичи мало чем отличаются от леших.

Так вот, о собрании. С сообщением о проступке лешего № 4 выступил леший № 18.

— В наш лес поступил сигнал,— сказал он.— Леший № 4, как следует из сигнала, состоит в недозволенных связях с лихом одногоглазым...

Реплики и вопросы с мест:

— Губа не дура!

— В чем состоит недозволенность?

— От кого сигнал?

— Дайте сказать.— поморщился леший № 18.— Мы проверили сигнал. Действительно, лихо одноголазое залетало в наш лес, действительно, контактировало с лешим № 4 по снабженческому вопросам. Поэтому предлагаю лешего № 4 подвергнуть наказанию в виде...

Реплики и вопросы с мест:

— В виде отсечения головы!

— Леший № 4 — холостой. С кем хочет, с тем и вступает в снабженческую связь.

— От кого сигнал?

— Сигнал от того, от кого надо! — парировал вопрос леший № 18.— Итак, предлагаю лешего № 4 подвергнуть наказанию в виде высылки его в город на один год...

Реплики и вопросы с мест:

— И отсечения головы!

— Снабжение и разложение не одно и то же.

— От кого сигнал?

— Раз сигнал есть, мы обязаны прореагировать на него. Иначе нас не поймут. А по каким именно вопросам леший № 4 контактировал с лихом одноголазым, не важно. Главное, контактировал. И от этого факта нам никуда не уйти.

И лешего № 4 за снабженческо-разложенческое поведение (из формулировки) выслали в город.

Выше уже говорилось, что иной леший вполне может сойти за нормального человека. Неудивительно, что леший № 4 без труда устроился на работу. По своему снабженческому профилю. А в этой организации работала гражданка Лихова, имеющая в наличии два глаза. И в оба глаза она стала приглядываться к лешему № 4 (кстати, в городе он назвался Николаем Арнольдовичем), симпатизировать ему. И тут не было ничего разложенческого, так как гражданка Лихова была руководящей гражданкой, леший № 4 — прекрасным работником, за что Лихова и симпатизировала ему.

Но кое-кто в данной организации не симпатизировал Лиховой. И этот кое-кто прислал сигнал. Дескать, между Лиховой и новым работником не чисто. И что вы думаете? И здесь, у людей, сигналу решили дать ход. Ну ладно, лешие, кто их там разберет, а люди-то должны понимать, что сигнал сигналу рознь! Есть полезные сигналы, а есть вредные. Но, как видно, между людьми и лешими много общего.

Собрание людей выслало Николая Арнольдовича (лешего № 4) в лес.

— А ну вас всех к лешему № 18,— махнул он рукой и пошел куда глаза глядят.

Пять заместителей

У одного короля был канцлер. А у этого канцлера было пять заместителей. Один заместитель ведал вопросами ночных звуков. Он следил, чтобы ночные звуки раздавались только согласно утвержденному списку звуков. Второй заместитель отвечал за пену морского прибоя, следил, чтобы она всегда была в достаточном количестве. Третьему заместителю было поручено самое ответственное занятие — он спал на всех приемах и громко храпел, и его храп заглушал реплики придворных, которые порой носили недружественный по отношению к королю характер. В обязанности четвертого заместителя входило чесание в затылке в то время, когда король обращался с речью к дворцовой знати,— это подчеркивало мудрость и оригинальность королевских высказываний, понять которые доступно не каждому смертному. Пятый заместитель просто работал, чем очень мешал другим заместителям.

Когда он руководил строительством нового дворца (а работы велись круглосуточно), к звукам, утвержденным королем, добавились новые: стук топора, монотонное ерзанье пилы и другие звуки, без которых не обходилось ни одно строительство.

Первый заместитель подал докладную королю, обвинив пятого заместителя в нарушении королевского списка ночных звуков.

Разгневался король. Никому не дозволено нарушать документ, утвержденный королем.

Нарушителя сурово предупредили.

Одновременно пятый заместитель строил волноломы в морской бухте. Из-за волноломов пены стало меньше, что подрывало авторитет второго заместителя. Второй заместитель пожаловался королю.

Разгневался король. Никому не дозволено покушаться на морскую пену, которая, как и все в королевстве, является собственностью короля.

Нарушителя подвергли пытке.

Кроме всего прочего, пятый заместитель был одарен технически и постоянно что-то изобретал. Например, изобрел новую кофеварку, в которой готовили особо крепкий кофе. Такую кофеварку приобрел третий заместитель канцлера. У него началась бессонница, и он перестал заглушать своим храпом недружественные реплики придворных.

Опять разгневался король, усмотрев в изобретении пятого заместителя подрыв устоев.

Нарушителя приговорили к казни. Условно.

Надо сказать, что четвертый заместитель также пристрастился к кофе, который варили на приборе пятого заместителя. Этот кофе сильно возбуждал его, и в затылке он чесал с таким энтузиазмом, что создавалось впечатление, будто у него чесотка. А чесотка, увы, не подчеркивала мудрость короля.

Король пришел в бешенство и бросил пятого заместителя канцлера на растерзание диким зверям. Но звери почему-то не стали терзать пятого заместителя.

Тогда король собрал четверых заместителей канцлера и бросил им на растерзание пятого. Те с удовольствием растерзали его.

В королевстве наступила тишина.

Слышны были только ночные звуки (согласно списку короля), шум морского прибора и храп третьего заместителя, имеющий стратегическое значение.

ПО ТУ СТОРОНУ ТРАГЕДИИ

— Быть или не быть? — спросил Гамлет (артист Антрекотов) и, приняв решение, понял, что не быть.

В трагедию ворвался резкий запах гуталина. Принц датский заметался по сцене, пытаясь понять, откуда идет запах, столь несоответствующий высокой трагедии...

В антракте он понюхал короля Клавдия, затем свою маму Гертруду. Нет, венценосные особы кремом для обуви не пахли.

Антрекотов в театре драмы на Средней Троицкой был дебютантом. Иначе он не делал бы дополнительной трагедии из гуталинового запаха, а довольствовался только трагедией своего героя.

Для старожилов театра этот запах казался благоуханием чайной розы. Более того, без него они чувствовали себя на сцене неуверенно, путали текст, подозрительно поглядывали на декорации, как бы опасаясь чего-то.

В «Гамлете» такое поведение помогало лишь Офелии, которая, как известно, сходит с ума.

Запах гуталина источал рабочий сцены Яков Буркин, который отдал театру двадцать пять лет своей жизни. Много Гамлетов, Офелий, дядей Вань, Хлестаковых и Чацких повидал он на своем веку, и всем им пришлось привыкать к необычному для театра запаху.

Как специалист, Яков не имел себе равных. Он назубок знал все спектакли, мог в одиночку поставить декорации к целому спектаклю, не брал в рот хмельного, а самое главное, был привязан к своему театру.

Другие рабочие сцены попивали, небрежно закрепляли декорации и вообще не задерживались подолгу в театре. Из-за таких летунов на

спектаклях время от времени случались накладки. То в самый ответственный момент на Фамусова рушится стена и в образовавшемся проеме зрители видят автомобиль «Москвич», предназначенный для другого спектакля; то платформа, на которой стоит кровать с только что почившим героем, начинает валиться в оркестровую яму, и покойник резво вскакивает с нее, вызывая гомерический хохот публики.

Накладки случались, когда Яков Буркин болел. При нем все шло гладко, он лично проверял крепления, и весь спектакль крутился за кулисами, распространяя гуталиновый запах.

Да, была у Якова такая неистребимая привычка — каждое утро наводить лоск на свои туфли. И труппе театра пришлось смириться с далекой от искусств страстью Якова. Артисты воплощали сценические образы в гуталиновой атмосфере. Со временем ядовитый запах гуталина стал для них так же необходим, как свет театральной рампы.

Исключения составляли новички.

Антрекотов, узнав от Лаэрта, откуда идет запах, в последнем акте поспешно заколол его и короля и, дождавшись занавеса, ринулся за кулисы. Яков Буркин сидел на полу, прислонившись к обратной стороне королевского замка, где только что пролилась кровь, и с невозмутимым видом поедал бутерброд.

Над ним навис разъяренный Гамлет (артист Антрекотов). Он навис, угрожая ему холодным оружием, которым только что уложил короля и его подданного. И уже бежал воскресший король грудью своей заслонять от принца Якова Буркина. Наскоро раскланявшись зрительному залу, мчались остальные персонажи.

Но предотвратить травматический случай им не удалось. Яков, испугавшись, что принц Антрекотов слишком хорошо вжился в образ и собирается продолжить серию убийств за кулисами, с необыкновенной легкостью вскочил на ноги и скрылся в помещении, где хранились декорации. Антрекотов растоптал брошенный Яковым бутерброд и бросился за ним. Обнаружив Якова на куче декораций, он начал было карабкаться на них, но подоспевший король стащил его за ногу.

Яков радостно приветствовал действия короля, но декорации расползлись, и он полетел вниз. В его крике слышались и страдания и укор театральной общественности, которая не уберегла такой ценный дар. Из-под декораций Якова извлекли со сломанной ногой.

В тот же день в театре состоялось собрание. Директор, обрисовав всю тяжесть момента, призвал коллектив не дрогнуть перед лицом неминуемого.

...В театре запахло валерьянкой. Актеры выходили на сцену с бледными лицами. Текст они произносили скороговоркой, стараясь быстрее покинуть сцену, и мельтешили перед зрителем, как герои немого кинематографа.

Все же без ЧП не обошлось.

В «Ревизоре» зрители увидели две немые сцены, вместо положенной одной. Первая, не предусмотренная Гоголем, приключилась уже в начале спектакля, когда прямо над головой городничего завис космический корабль из фантастического мюзикла «Мы прилетим».

В фантастическом мюзикле, который переносит зрителя в далекую галактику, на планету с высокоразвитой цивилизацией, опустился задник с изображенной на нем городской окраиной дореволюционной поры. Рядом с причудливой архитектурой далекой цивилизации соседствовали трактир и мыловарня купца Силина.

Эта же мыловарня вылезла в лирическом спектакле, посвященном чистой и нежной любви шахтера Константина к сельской труженице Юлии.

Артист Антрекотов (Гамлет и шахтер Константин) быстро понял, что запах гуталина и Шекспир неразделимы, а чистая и нежная любовь без этого тонкого, изящного запаха просто невозможна.

Не кто иной, как Антрекотов, заявился к Якову Буркину в больницу с богато упакованным подарочным набором. В набор входили десять банок гуталина разного цвета, всевозможные предметы для ухода за обувью и новенькие ботинки, густо намазанные обувным кремом.

В этих ботинках Яков и пришел в театр после выписки. Театр наполнился замечательным, неповторимым ароматом, так отвечающим духу высокой трагедии.

СОАВТОРЫ

Поэту-песеннику Кулебякину не писалось. Не было ни подходящего настроения, ни обстановки. За дачным забором требовательно горлалили козлята. Соседская бабка привязала этих чертенят к забору, и они, обглодав всю растительность вокруг, рвались к новым просторам, но веревки не пускали их.

— Я сказал вчера тебе...

— Бэ-э-э...

Первая строчка принадлежала Кулебякину, вторая — козлятам.

— Ты одна в моей судьбе...

— Бэ-э-э...

И здесь у него были те же травоядные соавторы.

Кулебякин заткнул уши ватой. Жена полоскала в тазу белье и что-то говорила ему. Кулебякин глядел сквозь нее и наконец, вынув из одного уха вату, спросил жену:

— А?

Жена, махнув рукой, ответила:

— Бэ-э-э!

— Ты одна в моей судьбе! — машинально продекламировал Кулебякин и снова заткнул ухо.

Рядом в гамаке дочка штудировала английский.

— Бэ-э-э! — прочитал Кулебякин по ее губам.

Возможно, дочка произнесла английское слово «бэт», что означает «летучая мышь», или «бэг», что значит «сумка», но Кулебякину уже везде чудилось труднопереводимое, издевательское бэканье.

— Ну, погодите! — разозлился Кулебякин. — Устрою я вам всеобщее бление. Под музыку.

— Будем жить в одной избе...

— Бэ-э-э...

— Создавать уют себе...

— Бэ-э-э...

Короче говоря, пропустил Кулебякин это «бэ-э-э» через всю песню. Хотя и сомневался, придется ли по душе композитору. Но тот, к удивлению Кулебякина, пришел от козлиных мотивов в восторг.

— Старик, это же потрясный шлягер. Особенно удачны твои «бэ-э-э». Они как бы подчеркивают каждую мысль, делают каждую строчку значительнее.

Он сел за рояль и, нащупывая мелодию, долго, самозабвенно блял.

Через пару месяцев на одном из концертов песню впервые исполнил вокально-инструментальный ансамбль «Разудалые ребята». «Ребята», облаченные в неземные костюмы, изящно, в такт музыке переступали с ноги на ногу, щелкали пальцами, очаровательно, по-женски улыбались друг другу. Они так искренне, от души бляли, что Кулебякину захотелось взять хворостину и попасти их где-нибудь на лужайке.

Через месяц в той же дачной обстановке Кулебякин создавал новый шедевр.

— Как мне скучно одному...

— Му-у...

На сей раз соседская бабка выпустила погастись теленка. Но теленок уже не раздражал Кулебякина. Поэт-песенник видел в нем соавтора.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕДУГ

Утром, упражняясь с гирей, плиточник конторы по ремонту квартир Павел Ухов говорил своей жене Светлане:

— Позвонишь, как всегда, в десять. Вот телефон клиента. Работа у него чепуховая — всего-то «фартук» на кухне выложить. Загляни в медицинскую энциклопедию — какое у меня сегодня заболевание? Что-нибудь помудреннее, понепонятнее. Радикулитом нынче клиента не размягчишь. Вчера уж как натурально корчился, а навару — трояк.

— Эк-лам-пси-я,— по слогам прочитала жена, наугад открыв книгу.

— Годится,— кивнул Павел.— Таинственно звучит.

...В квартире, где предстоит укладка кафеля, раздается звонок. Хозяин квартиры, человек крупного телосложения, открывает дверь. На руки ему валится Павел.

— Ремонт квартир, плиточника заказывали? — хрипит он.

— Что с вами? — пугается хозяин, с трудом усаживая Павла в кресло.

— Приступ коварного недуга,— еле выговаривает Павел.— Эк... эк... эклампсия называется. Ночью пять раз «Скорую» вызывали. Еле от больницы отбился. Не могу, говорю, подвести заказчика, он отгул взял, мебель на кухне передвинул... Да ты не стой, хозяин, втаскивай материалы — они за дверью. А я пока воду для цемента приготавливаю. Вроде чуть полегчало.

Хозяин втаскивает в квартиру ящики с кафелем.

— Зря вы отказались от больницы. Что же у вас болит?

— Легче сказать, что не болит,— укладывая кафель и морщась от боли, говорит Павел.— Пожалуй, один только аппендикс и не болит. Вырезали его мне в детстве.

Звонит телефон. Хозяин снимает трубку.

— Слушаю. Какого Пашу? Ах, плиточника! Пожалуйста!

— Странно, кто бы это мог быть? — прихрамывая, идет к телефону Павел. Одной рукой он держится за голову, другой — за поясницу.— Алло! Ах, это ты, Светик! Как самочувствие? Да, честно говоря, хвастаться нечем. Идти домой? Ни за что! Как я могу подвести человека! Кто это оценит, говоришь? Может, хозяин и оценит. С виду очень порядочный человек.

Бросив трубку, Павел ковыляет на кухню.

— Слышь-ка, хозяин. Жена говорит, если уж рискуешь жизнью, без червонца не возвращайся. Ну вот, «фартучек» и готов.

Хозяин протягивает Павлу десять рублей.

— Все-таки больше здоровьем не рискуйте,— напутствует он Павла.— Обязательно лечитесь.

Проводив мастера, хозяин берет с полки медицинскую энциклопедию.

— Так. Эклампсия. Что это за штука? Ага, вот. Эклампсия — заболевание беременных женщин...

ВУАЛЕТКА ДЛЯ АНТАРКТИДЫ

В большом цеху во время обеденного перерыва идет демонстрация новых моделей одежды.

— А сейчас, дорогие друзья, вы увидите наши лучшие модели.

Работая над ними, мы стремились сделать их удобными и практичными. Модель первая. (Выходит манекенщица, в движениях ее игривость.) Вечерний туалет для наших молодых работниц. Предназначен для посещения игорных домов в Монте-Карло и на Гавайских островах. Эффектная юбка, состоящая исключительно из шелковых разноцветных лент, ниспадающих с бедер фантастического водопадом, поразит воображение даже завсегдатаев игорных домов. В кисейной, полувоздушной блузе, как видите, легко угадываются рулеточные мотивы: круглый вырез на спине символизирует вращающийся круг рулетки, по которому весело скачут спускающиеся на нитях шарики. Модель не только элегантна, но и удобна. Она не сковывает движений при игре в рулетку и, думаю, будет по достоинству оценена вами.

Вторая модель навеяна антарктическими мотивами. (Появляется вторая манекенщица.) Попав в Антарктиду в таком легком комплекте из куртки, шортиков и шляпки, вы удачно впишетесь в своеобразный ландшафт южного материка с его хаотичными ледовыми нагромождениями. Особую пикантность всему ансамблю, выполненному из белой норки, придает шляпка, затейливо украшенная вуалеткой. Именно вуалетка и определяет практичность наряда, защищая лицо от укусов антарктических комаров.

И, наконец, модель для наших славных тружеников. Вдохновили художников-модельеров на ее создание далекие времена, овечьные пиратской романтикой. (Выходит манекенщик.) Линялая сорочка, небрежно засученные рукава, брюки до икр из хорошо мнущегося материала, чулки, на голове — косынка, завязаннаязади. Особую прелесть нашим мужчинам придаст маленькая деталь, без которой модель выглядит незавершенной. (Манекенщик накладывает на глаз черную повязку.)

И в заключение хочется подчеркнуть, что все показанные модели — повседневного назначения.

ПО ЗАКАЗУ

— Следующий вопрос,— сказал председатель завкома,— жалоба главного механика Буреева на Плошкина, который нарисовал на него карикатуру в стенгазету. Главный механик изображен спящим на ящиках с новым оборудованием.

Председатель развернул стенгазету с карикатурой. На огромном ящике возлежал Буреев.

— Клевета это! — заявил главный механик.— У меня бессонница. Я даже в постели не могу заснуть. И потом к нам из министерства заглядывают. А я в такой несолидной позе.

— А солидно держать на дворе дорогостоящее оборудование? — отпарировал Плошкин.

— Зря ты это, Плошкин, — покачал головой председатель. — Лучшие жалобы написал бы в завком. А нарисовать можно что-то другое. Ну хотя бы заводскую трубу на фоне голубого неба.

— А я бы с твоим талантом, Плошкин, изваял на заводском дворе скульптурную группу под названием «Повысим производительность труда», — сказал зам. предзавкома.

— Не повысить ее без нового оборудования, — вздохнул Плошкин. — А за его установку отвечает главный механик. Его и следовало бы изваять. В виде сатирического персонажа.

— Что ты замкнулся на сатире? — с досадой сказал председатель. — Есть и другие жанры. Мой сын, например, выжигает по дереву. Недавно попугая выжег.

— Смотайся в зоопарк и сделай наброски бегемота, зебры, верблюда, — предложил один из членов завкома.

— Вот это я приветствую! — подхватил главный механик. — Давно мечтаю взглянуть на верблюда, а в зоопарк никак не выберусь. Помести, Плошкин, в стенгазете верблюда.

— Пресса обязана учитывать пожелания читателей, — авторитетно сказал председатель. — Сможешь отразить верблюда?

— Попробую, — уклончиво пробурчал Плошкин.

...Утро. Заводская проходная. В толпе людей, идущих на смену, главный механик. К нему обращается работник охраны.

— Товарищ Буреев! В стенгазете верблюда нарисовали. Говорят, по вашему заказу.

Во дворе у стенда со стенгазетой народ. В газете та же карикатура, только вместо главного механика на ящике с оборудованием лежит верблюд. Кто-то читает подпись под карикатурой:

— По просьбе главного механика помещаем верблюда. Надеемся, с его помощью он наконец-то переместит оборудование в цеха.

ОКНО В МИР

На прошлой неделе в моем телевизоре что-то фундаментально сгорело. Я вызвал мастера, а пока играю с женой в шашки.

— Ешь меня, — подсказываю я ей, — а потом я тебя дважды съем.

Жена, зевая, послушно съедает мою шашку и говорит:

— Восемнадцать тридцать пять. Как раз начинается документальный фильм.

— Кстати, — вспоминаю я, — ты тут обдумай позицию, а я в это время кастрюлю почищу.

— Который час? — спрашивает жена, когда я возвращаюсь из кухни.

— Восемнадцать сорок четыре, — отвечаю я. — Еще ешь.

— Как раз через одну минуту, — говорит она, делая ход, — по второй программе будет передача о гейзерах.

— А по учебной что? — спрашиваю я, пробираясь в дамки.

— «Природоведение» для второго класса? Пять минут, как идет.

— Эх, не повезло, — вздыхаю я. — Люди развлекаются, просматривая четыре канала, а у нас с тобой который день передача «Любителям шашек». Кстати, что по третьей программе?

— Мультфильм, — грустно отвечает жена.

— Ну надо же! — говорю я, поедая ее последние шашки. — Так и от жизни отстанем. Столько передач пропустить!

ДЛЯ РАЗРЯДКИ

Вернувшись с работы, супруги Цыпляевы спешат поделиться новостями.

— Моя начальница опять битый час висела на служебном телефоне, — сказала Цыпляева. — Книжные магазины обзванивала: ее, видите ли, интересует, не меняет ли кто-нибудь «Княжну Тараканову» на «Осуждение Паганини». А вчера шарила по парфюмерным: французские духи ей понадобились. А у меня сорвался разговор с поставщиками.

— Наш дурачок тоже сегодня не перенапрягся, — сказал Цыпляев. С полдня — портфель в зубы и к смежникам. Только и слепому ясно — в парной его смежники поджидали. Из портфеля-то березовый дух пер.

— Нет, моя сидит от звонка до звонка. В конце дня голова пухнет от ее телефонной болтовни. Не успокоится, пока всех приятельниц не обзвонит. Сколько дел без телефона буксует. По самым неотложным на улицу бегаем звонить, за две копейки.

— А мой что удумал! На вскапывание своего личного огорода Балкина дважды снимал с работы. А теперь премию ему повышенную подписал.

— Моя, наоборот, лишила премии Синяеву, которая ее, помнишь, на собрании песочила.

— Кто бы моему косточки пересчитал! Хотя бы за телевизор, который он на дачу вывез. Из красного уголка. А все думают, в ремонт отдали. Но меня не проведешь. Целенький был телик.

— Только не вздумай вылезать. Догадываешься и молчи. А то себе дороже будет. Найдутся догадливые вроде тебя.

— Разве я похож на сумасшедшего? Это я для разрядки повозмущался. Но и ты на свою плюнь. Лучше лишний раз в телефон-автомат сбегай, а на рожон не лезь.

— Да пусть хоть целый день по телефону болтает. Что мне — больше всех надо!

РАДУГА

Утром, когда я привел свою пятилетнюю Катю в детский сад, воспитательница Татьяна Сергеевна сказала мне:

— Папочка, вы у нас еще не охвачены весенними работами. Завтра вечером будете красить радугу.

Радуга — это такая металлическая лестница-стремянка, изогнутая дугой. На завтра мне вручили кисточки и три старых горшка с красной, синей и желтой краской.

Взобравшись на радугу, я посочувствовал бедным детишкам, которым приходится каждый день карабкаться на такую верхотуру. Сейчас они толклись у радуги и с любопытством наблюдали за мной.

— Дядя Леша, а мы залезаем на радугу без горшков, — сообщил мне некто Вова Петрюк.

— Ребята, не отвлекайте меня, — взмолился я. — Я могу расплескать краску или вообще свалиться вниз. Видите, держаться нечем.

Кое-как устроившись на самом верху, я покрасил ступеньки. Сначала с одной стороны от себя, потом с другой.

— Вы там с ночевкой? — поинтересовался Петрюк.

— Не говори, братец, глупостей, — любуясь своей работой, сказал я. — На радугах не спят.

— Некоторые спят, — безучастно сказал Петрюк. — Когда слезть не могут.

Тут только до меня дошло, что, покрасив ступеньки вокруг себя, я отрезал дорогу вниз. Спрыгнуть с радуги мешал горшок с краской, а Татьяну Сергеевну, которая могла бы взять у меня горшок, вызвала заведующая.

— Почему ж ты, Петрюк, раньше молчал! — возмутился я. — Нет, чтобы вовремя подсказать! Видишь, что человек ошибается, поправь его, не жди, пока он попадет в беду!

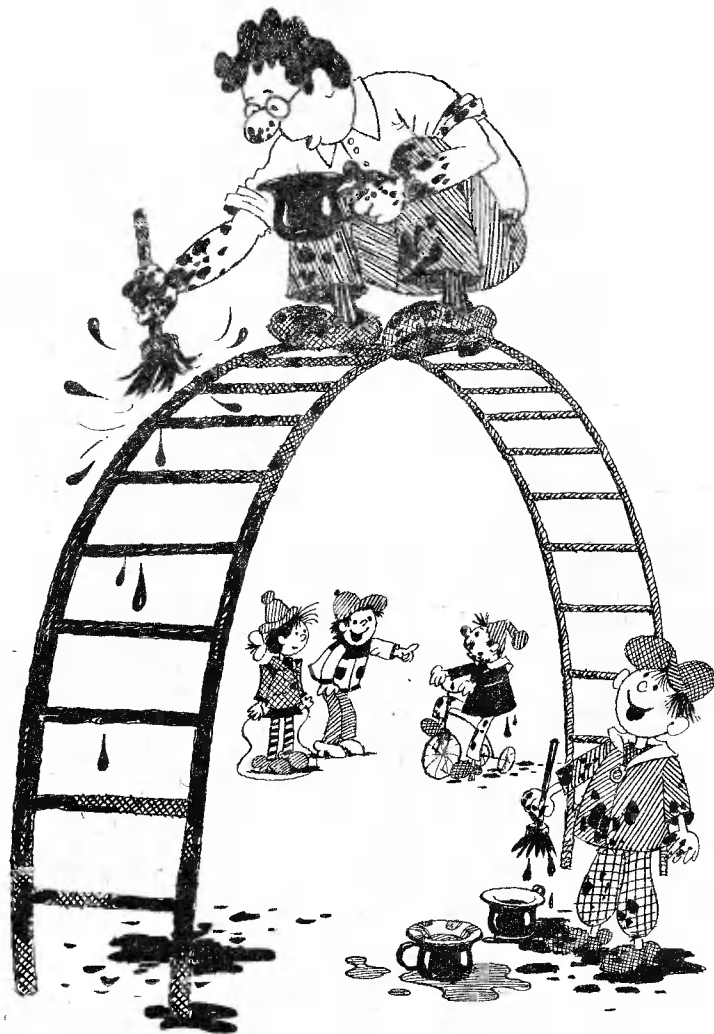
Минут через пять я потерял всякий интерес к происходящему внизу — все мое внимание было сосредоточено на том, как бы не свалиться вниз.

В моем распоряжении была только верхняя перекладина — на ней я и примостился, как петух на насесте.

Ныло плечо, которым я привалился к перилам, от горшка затекла рука.

Пока я сидел на насесте, Вова Петрюк не терял времени даром. Во-первых, он произвел опрос у коллег по группе, выявив недовольных цветом своих курток. Таких оказалось пять человек. Всем им Петрюк покрасил куртки красной и синей краской, воспользовавшись содержимым горшков, которые я оставил внизу.

Во-вторых, Петрюк покрасил мяч и запустил им в меня. Отбив мяч,

я покачнулся и с трудом удержал равновесие, выплеснув часть краски из горшка себе на шляпу.

Моя собственная дочь делала вид, что абсолютно незнакома со мной. То ли из солидарности с коллективом, то ли стыдясь отца, который перед этим коллективом опозорился.

— Девочка! — обратился я к ней официально, чтобы не подчеркивать нашего родства. — Не могла бы ты позвать Татьяну Сергеевну.

Катерина сходила за воспитательницей. Я сунул ей горшок и прыгнул с радуги.

— Чем я вам могу еще помочь? — спросила Татьяна Сергеевна.

— Уберите Петрюка, — мрачно сказал я, изучая желтое пятно на своей шляпе. — Иначе при детсаде придется открывать филиал химчистки.

— Петрюк! — позвала Татьяна Сергеевна. — Девочки, где Петрюк?

— Он пошел на кухню, — пояснили девочки. — И краску взял, чтобы компот подкрасить.

МУЖЧИНА, КОТОРОГО МЫ ИМЕЕМ В ВИДУ

Один мужчина любил поговорить о нравственных нормах. Он о них знал понаслышке, о нравственных нормах, и они ему представлялись такими же доступными, легко достижимыми, как, например, нормы ГТО. Прыгнул в высоту, поразмял конечности — и ты уже в дамках.

А быть в дамках — это для мужчины, которого мы имеем в виду, нормальное состояние. Когда ты в дамках, поучать всех прочих одно удовольствие. Люди, зависящие от тебя по службе, даже если ты несешь ахинею, делают деликатный вид. Но это те, кому известно, что ты в дамках. А кому неизвестно, те, конечно, делают другой вид. Неделикатный.

Вот однажды в трамвае у него спрашивают:

— Мужчина, вы сойдете?

А он вместо простейшего ответа произносит две глубоко-мысленные фразы обличительного характера. В адрес девушки, от которой исходил простейший вопрос. Эта девушка была одета по последней моде и тем самым нарушала нравственные нормы. То есть те нормы, о которых наш мужчина думал, что они нравственные.

За девушку вступился чуть ли не весь трамвай. Прошли те времена, когда наша публика глазела на каждую модную девушку, как на инопланетянку. Мало их попадалось, чем и было вызвано любопытство. Сейчас, что ни девушка, то модная. И публика, присмотревшись к модным девушкам, потеряла к ним всякий интерес. Поэтому поучения мужчины, которого мы имеем в виду, опоздавшие, как

минимум, лет на пятнадцать, отдавали занудством и косностью. А наиболее передовые граждане из трамвая вообще расценили его брызжание как хулиганство, менее передовые не порывались вызвать милицию, но неделикатно игнорировали его. Намекая, что он пустое место.

А он — дамка. С удвоенной энергией стал мужчина-дамка рассуждать о нравственных нормах, прибыв в родной коллектив. Причем старался не отрываться от местной конкретики.

— Куда же мы идем, граждане! — восклицал он. — Где, я спрашиваю, бывлой трепет перед руководящими кадрами? Как может рядовая машинистка сидеть в присутствии заведующего отделом? Неважно, что они учились в одном классе. Не исключено, что с ним учились и кочегары нынешние и разнорабочие — им тоже прикажете с начальством за панибрата?

Или такой разговор заведет:

— Вчера кто-то видел, как Сигулдаев посадил в свои «Жигули» Таню из планового отдела. А, между прочим, у него двое детей. Правильно говорят: седина в бороду, бес в ребро. Прикрывается тем, что Таня на одной улице с ним живет. Дескать, почему и не подбросить, раз соседи. Только кто ж ему поверит, старому развратнику!

Однажды на одного из перспективных сотрудников поступила анонимная жалоба. Неизвестный доброжелатель обвинял его в том, что он бросил пятнадцать детей от разных женщин. И даже указал два адреса, где якобы проживают брошенные детки. И хотя всем было известно, что объект анонимных нападок был примерным семьянином, мужчина, которого мы имеем в виду, настоял на проверке. Как выяснилось, по указанным в анонимке адресам брошенные дети не значились. Неброшенные к нашему сотруднику никакого отношения не имели.

— Нет дыма без огня, — упорствовал мужчина, которого мы имеем в виду. — Зря не напишут. Значит, что-то было. На меня же не пишут. Так что советую присмотреться к товарищу. Что-то здесь не так.

Вот каким негнбимым блюстителем нравственности был мужчина, которого мы имеем в виду. А имеем мы в виду одного мужчину, который по воле не самого счастливого случая выбился в какие-никакие руководители и решил, что ему вместе с должностью отпущены мудрые мысли.

Но его мудрые мысли носили специфический характер, к работе отношения не имели, поэтому работу он завалил.

Уволили его за безделье. Насаждая нравственные нормы, он даже не подозревал, что сам грубо попирает их. Что может быть безнравственнее безделья?!

ЖИВ КУРИЛКА!

ДВА ТОЛСТЯКА

Крайне важные сведения просочились недавно в нашу печать. Трудно представить себе, как бы мы жили дальше, если бы некоторые периодические издания не познакомили нас с двойняшками Биллом и Беном. Без них дальнейшее существование читателя представляется нам унылым и однообразным.

Итак, Билл и Бен...

На фото между двойняшками их жены, которые пытаются обхватить своих суженых за талию. Но где там — окружность талии у близнецов два метра! Просто не укладывается в голове.

И невольно хочется узнать другие параметры Билла и Бена. Например, сколько они весят. Но тут точности нет. Одна газета, не вдаваясь в подробности, сообщает, что братья переступили рубеж трехсот килограммов. Другая вроде бы уточняет: вес Билла и Бена соответственно 315 и 327 килограммов. Третья настаивает на равном весе каждого из близнецов — 335 килограммов. Возраст братьев эти издания также дают различный: 29 лет, 30 лет и 31 год.

Неискушенный читатель, пожалуй, подумает, что все три печатных органа взвешивали гигантов на разных, причем неотрегулированных весах, а возраст их определяли на глазок. Отсюда и расхождения.

Разумеется, все было не так. Братья Билл и Бен лично не посещали вышеназванные издания. Никто в редакциях и не думал взвешивать их или прикидывать, сколько им годочков. Близнецы со своими хрупкими избранницами преспокойно позировали в своем родном штате перед очередным представителем американской прессы, падкой, как известно, до дешевой сенсации, а информация о толстяках черпалась из разных источников.

Отсюда, очевидно, и расхождения в цифрах. Впрочем, думается, не только отсюда. Тут, возможно, отчасти имело место соревнование, кто больше поразит воображение читателя. Читатель, просматривая газету или журнал за утренней чашкой чая, поперхнется, наткнувшись на Билла и Бена. И скажет: «Вот это да!»

Естественно, чем больше весят близнецы, тем скорее поперхнется читатель и тем смачнее произнесет свою фразу: «Вот это да!» И тем больше оснований у журналистов, подбросивших читателю этих милых парней, считать, что они справились со своей архиважной задачей.

ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

У детского писателя Эдуарда Успенского есть забавное стихотворение:

В одном огромном парке,
А может, и не в парке,
А может, в зоопарке
С родителями жил
Один смешной слоненок,
А может, не слоненок,
А может, поросенок,
А может, крокодил.

Хочется воспользоваться предложенной поэтом игрой и в том же предположительном духе пересказать читателям содержание двух газетных заметок на одну тему. (Газеты разные.)

Итак, в один аэропорт забрел лосенок, а может, не лосенок, а может, огромный лось. Не столь уж важно, кто забрел, важно, куда конкретно забрел. А конкретно зверь забрел на взлетно-посадочную полосу и как раз в тот момент, когда на нее готовился произвести посадку самолет. А может, и не в тот самый момент. А может, «был тот редкий в воздушной гавани час, когда свои самолеты уже улетели, а прилетающие еще не прибыли».

Впрочем, какая разница, заходил самолет на посадку или нет! Важнее то, что происходило на земле. А на земле к животному примчался «уазик», а может, не «уазик», а «легковушка», на который или на которую огромный лось или лосенок напал, оставив две вмятины на дверце машины. А может, одну вмятину, и не на дверце, а на заднем буфере.

После этого непрошеного гостя поливала из брандспойта пожарная машина, что привело его в ярость. А может, и не ярость. А может, «струя воды оказалась лосенку (а может, не лосенку) не страшной, а даже, наоборот, приятной. Он с видимым удовольствием напился».

Покинул летное поле гость очень просто: пустился наутек в сторону леса. А может, и не просто. А может, его усыпили и отвезли в лес на машине.

Такую вот сказочку соорудили совместными усилиями авторы заметок о заблудившемся животном, опубликованных в двух разных газетах.

ПОПАЛ ПОД ШТАМП

Как известно, чеховский герой Дмитрий Кулдаров попал под лошадь. В наше время, если заглянуть в газетные рубрики, где говорится о дорожно-транспортных происшествиях, пешеход попадает не под лошадь и даже не под автомобиль, а под транспортное средство.

Попав под лошадь, Дмитрий Кулдаров радовался оттого, что этот факт стал достоянием читающей публики. Ныне он радости бы не испытывал. Что ни говорите, попасть под лошадь — это одно, а под транспортное средство — другое.

Выражение «транспортное средство» звучит угрожающе и псевдонаучно. Оно сделалось газетным штампом, а попасть под колеса газетного штампа — удовольствие ниже среднего. В газете, которой с восторгом потрясал коллежский регистратор Кулдаров, было сказано: «Поскользнулся и упал под лошадь». Только и всего.

Сегодняшние газеты преподнесли бы этот случай примерно так: «В условиях скользкой дороги учащийся ПТУ Д. Кулдаров в нарушение соответствующего пункта ПДД столкнулся с транспортным средством в лице лошади, принадлежащей РПС, водитель которой не справился с управлением и врезался в придорожное растение...»

Читатель, конечно, не сразу смекнет, что ПДД — это правила дорожного движения, что водитель управлял не РПС, то есть райпотребсоюзом, а лошадью, и что придорожное растение — это всего вернее дерево, а не лопух.

Ну, ладно, речь пока шла о неосторожном Кулдарове, по вине которого произошло происшествие. А если Кулдаров не виноват и транспортное средство само на него наехал? Что в таком случае произвело бы транспортное средство?

Отвечаем: наезд или столкновение.

На газетной полосе выглядит это примерно так:

«В условиях скользкой дороги водитель автомашины ГАЗ-51... произвел столкновение...»

«Водитель автомобиля ЗИЛ-130 с полуприцепом, груженным железобетонными плитами, произвел наезд...»

Однообразно несколько, зато звучит куда веселее и торжественнее, чем заметка об инциденте с Д. Кулдаровым.

Транспортное средство далеко обогнало лошадь, которая ничего не умела «производить». Газетчики тоже с тех времен шагнули вперед: они научились производить наезд на читателя газетным штампом.

«ИНТЕРЕСНО, ЧТО С НИМ ЕХАЛА ДЕВУШКА»

У работников ГАИ так уж заведено: остановив нарушителя, они имеют дело только с ним, полностью игнорируя пассажиров. Пассажи-

ры, как пешки, сидят в машине, и госавтоинспектор даже не порывается поговорить с ними о погоде, а тем более узнать их фамилии и место работы. Далека ГАИ и от мысли составлять на пассажиров протоколы, ибо они не крутили баранку, а следовательно, ничего не нарушали.

Но послушайте, что произошло в поселке Степино. Там живет девушка Наташа С. Фамилии ее мы не называем, поскольку она уже достаточно ославлена. У этой девушки был знакомый Коля Ручкин. А у Коли Ручкина был мотоцикл. И однажды этот знакомый предложил подвезти ее на своей «Яве». И она легкомысленно согласилась, не предполагая, что отныне ее репутация висит на волоске. И вот печальный результат: Коля Ручкин проехал на красный свет — и его остановил инспектор ГАИ. Инспектор проезжал на «Волге» и, между прочим, тоже вез пассажира. По фамилии Боков. И пока инспектор разбирался с нарушителем, этот пассажир заинтересовался пассажиркой «Явы» Наташей С. Причем заинтересовался он ею не в частном порядке, а как официальный представитель районной газеты «Призыв». У него было такое задание — провести рейд совместно с ГАИ. И выявить нарушителей. И он их выявил. Но выявить одних нарушителей ему показалось недостаточно. Для оживления материала хотелось ему еще кого-нибудь выявить.

И тут ему бросилась в глаза Наташа С. Она соседствовала с нарушителем, и уже в одном этом виделось нечто вызывающее, порочное. Скажи мне, кто за рулем, и я скажу тебе, кто ты.

Выявив Наташу С., Боков оживил ею свой репортаж «Совместно с ГАИ».

«И интересно то, — писал Боков, — что с ним вместе (с мотоциклистом то есть) ехала молодая девушка, продавец магазина (указывается название магазина) Наташа С. (фамилия, разумеется, дается полнотью), которая утверждала — «первый раз с ним села...»

Любознательный человек Боков! Все ему интересно. Все его возмущает в Наташе С. Ему непонятно, как могла молодая девушка, да еще продавец магазина, ехать на одном мотоцикле с нарушителем правил уличного движения.

Да оно и верно: молодые продавщицы должны ездить только с примерными мотоциклистами.

ГОЛУБЫЕ ПЕТЛИЧКИ

Семейные реликвии

Отец погиб в Сталинграде, когда мне было три года. Все, что осталось от него, хранилось в небольшом чемоданчике под кроватью. Когда я подрос, меня заинтересовало содержимое чемоданчика, и я время от времени извлекал его из-под кровати. Отца я знал только по фотографиям и, разглядывая отцовские вещи, пытался понять, какой он был. Вещей от отца осталось мало: черная рубашка-косоворотка, наушники, словарь активного минимума по немецкому языку, записная книжка, которую отец незадолго до гибели прислал как подарок к моему дню рождения. Рубашку я частенько примерял на себя, но так и не смог дорасти до ее размера: отец был солидным мужчиной. Наушники до сих пор исправно служат нашей семье, исправнее, кстати сказать, чем их современного вида собрат, появившийся в доме лет тридцать спустя. В словаре отец подчеркнул два слова «munter» — «бодрый» и «lustig» — «веселый», из чего я делал заключение, что отец был человеком неунывающим и оптимистичным. Записная книжка с алфавитом ничего особенного собой не представляла, но сколько раз я ни брал ее в руки, а так и не решился использовать книжку по назначению — записывать в ней адреса и телефоны. Она и сейчас лежит передо мной девственно чистая, обернутая в кусочек газеты, очевидно матерью, сорок лет назад. Все, что напечатано на этом пожелтевшем обрывке газеты, я знаю наизусть. В сводке

Совинформбюро от 5 ноября 1942 года говорится о тяжелых боях в Сталинграде, о том, как десять советских саперов остановили две роты немецкой пехоты. При этом один из красноармейцев, раненный в правое плечо, зубами снимал предохранительные кольца с гранат и бросал их левой рукой.

На другой стороне листка — письмо защитников города Сталину. В нем рассказывается о подвигах наших солдат, об одном сержанте, который уничтожил пять танков, а шестой остановил, бросившись под его гусеницы с гранатой. В письме сталинградцы клянутся: «До последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге!»

Еще в чемоданчике хранились фронтовые письма отца. В них отец называл немцев шакалами, объявлял матери благодарность за работу на севе, обращался ко мне с пожеланием, чтобы я рос храбрым, но не хулиганом, обещал крепко бить фашистов.

В последней открытке от первого сентября, написанной карандашом, отец сообщал: «Постоянно находимся в ожесточенных боях с фрицами. Достается им от нас прилично. Земля — наш лучший друг. Писал в окопе».

Глазковцы

Когда десантный корпус, в котором служил отец, спешно преобразовали в 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию и перебрасывали из-под Москвы в Сталинград, отец уже из отходящего эшелона крикнул матери:

— Запомни: фамилия моего комдива — Глазков. Если в газетах сообщат, отличилась дивизия Глазкова, это будет весточка обо мне.

Весточка пришла очень скоро — 4 сентября газета «Красная звезда» в передовой статье поставила в пример гвардейскую дивизию Глазкова: «Там, где создана несокрушимая оборона, где защитники боевого рубежа полны решимости умереть, но не пропустить врага, — никакое преимущество в танках, никакое воздействие с воздуха не помогает немцам».

Через тринадцать дней отца не стало. Уже после войны матери удалось узнать кое-что о боях, в которых участвовал отец, о его дивизии.

35-я гвардейская, прибыв в Сталинград, попала в самое пекло. Был наиболее критический момент в обороне города. Гитлер дал приказ ценой любых потерь захватить его. И 23 августа немцам удалось прорвать нашу оборону на участке Вертячий — Песковатка и выйти к Волге. В образовавшийся восьмикилометровый коридор ринулся танковый корпус врага. Одновременно две тысячи немецких бомбардировщиков превратили город в пылающие развалины. К месту

прорыва немцев и была брошена при поддержке наших танков 35-я дивизия. В ночь на 24 августа она остановила продвижение вражеских колонн к Волге, перекрыла коридор, отрезав танковый корпус немцев от основных частей, лишив его поддержки. Первый удар по врагу здесь нанес 100-й полк дивизии, комиссаром которого был отец. За два дня части дивизии уничтожили 77 танков, много автомашин, орудий и пехоты врага.

Командиру танкового корпуса противника, который уже двинулся на город, к тракторному заводу, стало неуютно и одиноко на берегу Волги, и он запросился у Паулюса назад, на запад. Бывший гитлеровский генерал Г. Дерр в своих мемуарах свидетельствует, что «в течение недели танковые дивизии 14-го корпуса находились в критической обстановке на берегу Волги». Это, конечно, значительно ослабило натиск немцев на город, помогло отрядам народного ополчения сталинградских заводов отбить их атаки. Глазковцы сковали немцев. Именно этот боевой рубеж имела в виду «Красная звезда». Именно отсюда пришла открытка отца.

В начале сентября немцы решили прорваться в другом месте, у станции Воропоново, сосредоточив там пять дивизий, из них две — танковые. И вновь гвардейцы Глазкова на самом трудном участке. Совершив 25-километровый марш, они несколько дней сдерживали натиск фашистских дивизий, пока командование не отвело их на новый рубеж, к южным окраинам города.

Сюда, в стык двух советских армий, вклинились немецкие соединения, пытаясь отсечь Сталинград с юга. До конца сентября 35-я гвардейская сковывала здесь немцев, в невиданных по тяжести боях отходя к Волге.

За месяц полегла почти вся дивизия, больше десяти тысяч гвардейцев. Погиб генерал Глазков. Смертельно раненный, он продолжал руководить боем. Погиб командир пулеметной роты Рубен Ибаррури, сын Долорес Ибаррури, который отбивался от бесчисленных атак немцев вместе с батальоном 100-го полка.

Евгений Долматовский, бывавший в дивизии, отмечал героизм глазковцев, их бесстрашие и даже бесшабашность. «Это были в основном парни воздушно-десантных бригад, — писал он, — не раз участвовавшие в самых отчаянных операциях и в тылу противника и на сложнейших участках фронта». Они и «заслонили собой Сталинград, и мало осталось в живых тех, кто мог бы написать о них книги».

Да, десантная выучка помогла глазковцам на всех участках бить фашистов, во много раз превосходивших их в живой силе и технике. Даже раненые, истекающие кровью, они не покидали своих рубежей. Воевали они в форме воздушных десантников, с голубыми петличками, и немцы так и называли их: «голубые петлички». На их позиции сбрасывались листовки: «Вы, небесные черти, глазковцы, окружены

со всех сторон. Сдавайтесь. Гарантируем жизнь». В одном из боев на призыв фашистов сдаваться глазковцы сняли с погибшего товарища окровавленную гимнастерку и подняли ее как знамя.

Батальонный комиссар

В Волгограде мне приходилось бывать. Я знал, что генерал Глазков и Рубен Ибаррури похоронены в центре города. В музее обороны выставлена шинель комдива 35-й, вся изрешеченная пулями и осколками. В Зале Воинской Славы на Мамаевом кургане на символическом знамени увековечено имя моего отца — батальонного комиссара Ивана Дмитриевича Полянского. Бывал я и на месте боев отцовской дивизии, но где именно погиб отец, похоронен ли он, установить мне так и не удалось.

И вот я снова на священной земле. Выясняю, что в Волгоградском сельскохозяйственном институте действует группа «Поиск», которая собрала обширный материал о дивизии. Здание института построено на месте, где сражались глазковцы.

В комитете комсомола меня встречает заместитель секретаря Олег Парамонов. Мы идем в музей 35-й дивизии, и в глаза сразу же бросаются фотографии военных лет. Их всего две, но на обеих узнаю своего отца. На одной из них — партийное собрание, на другой отец заснят вместе с другим командиром перед собранием. Сзади три «эмки». Отец смотрит с фотографии чуть иронично, руки держит на ремне, запустив под него большие пальцы. (Ловлю себя на мысли, что и у меня такая привычка.) Я стою перед фотографиями десять минут, двадцать... Олег что-то говорит мне, но я ничего не слышу. Отец смотрит на меня изучающе, в руке у него листочек. Возможно, материал для выступления. О чем он собирается говорить? О предстоящих боях, о необходимости умереть, но не пустить немцев за Волгу?

Когда я отрываюсь от фотографий, Олег показывает мне стенд, посвященный отцу. Я узнаю, что здесь, в Сталинграде, он был награжден орденом Красного Знамени. В наградном листе, подписанном командиром и комиссаром дивизии, сказано: «Тов. Полянский — волевой, отважный военком полка. Ежедневно он бывает на передовой линии, руководит боевыми действиями, воодушевляет командиров и бойцов большевистским словом и личным примером. Командиры и бойцы беспредельно любят своего военкома за его чуткое отношение, за бесстрашие в бою и готовы идти за ним на любое задание. Во всех проведенных боях он был вместе с бойцами и впереди них. Он неоднократно смело и решительно вошел в атаку подразделения с лозунгом: «За Сталина! За Родину, вперед!»

Узнаю также, как погиб отец. За несколько дней до гибели он стал

начальником политотдела дивизии. На стенде выписка, сделанная в архиве Министерства обороны:

«17.9.42 г. после сильной артиллерийской и минометной подготовки противник силою до двух пехотных полков и роты танков начал наступление, нанося главный удар вдоль берега Волги, стремясь окружить нашу группировку, овладеть элеватором и отрезать переправу. Атаки противник применял пять раз.

В этом бою отдельные группы бойцов дрогнули и начали откатываться назад. Положение восстановил политотдел во главе с его начальником батальонным комиссаром т. Полянским. Они задержали отходившие группы и контратакой с криками «ура!» восстановили положение. Враг бежал, оставив на поле боя большое количество убитых и раненых.

Ведя бойцов в контратаку на врага, смертью героя погиб начальник политотдела гвардии батальонный комиссар т. Полянский».

Память

Инициатором создания в институте десять лет назад группы «Поиск» была ассистент кафедры Валентина Ивановна Нефедова. В 42-м году она еще девочкой попала под бомбежку на сталинградской Даргоре, где жила раньше. В это время там стояла 35-я, и кто-то из медработников дивизии оказал ей помощь. Так что еще до института Валентине Ивановне хотелось побольше узнать о 35-й дивизии. Может быть, поэтому, попав в институт, на месте которого дивизия вела тяжелейшие бои, она с помощью комитета комсомола начала розыск оставшихся в живых глазковцев.

Выявив после кропотливой работы в архивах и музеях уцелевших воинов дивизии, «поисковцы» дважды собирали их в Волгограде, возили по местам боев. Состоялись и многочисленные встречи ветеранов со студентами, школьниками, уроки мужества, линейки у могил генерала Глазкова и Рубена Ибаррури.

В 1975 году глазковцы заложили перед институтом аллею 35-й гвардейской дивизии.

Совсем недавно состоялся сбор ветеранов дивизии, посвященный сорокалетию Сталинградской битвы. С радостью узнали они, что по ходатайству комсомольцев института горисполком решил назвать именем их дивизии улицу, расположенную по соседству с институтом. А ученики 43-й школы присвоили имена командира и комиссара дивизии тракторам, полученным ими взамен собранного металлолома. Тракторы вручены школьниками лучшим механизаторам близлежащих хозяйств.

Ожидал глазковцев и другой сюрприз. Им показали только что вышедшую в Воениздате книгу о боевом пути их дивизии, которая после потери почти всего личного состава на Волге была вновь

укомплектована и дошла до Берлина. Ее гвардейское знамя сейчас можно увидеть в одном из залов Центрального музея Вооруженных Сил СССР.

...Я попросил Валентину Ивановну показать мне место последнего боя отца. Может, где-нибудь поблизости есть братская могила.

Мы долго стояли на берегу Волги, на бугре, поросшем густым кустарником, вглядываясь в широкий овраг, спускающийся к реке, в корпуса консервного завода, в жилые дома на другой стороне оврага.

— Бой шел где-то здесь, — виновато произнесла Валентина Ивановна. — А точно не могу сказать. Может, с ветеранами свяжетесь? У нас есть адреса, телефоны.

Вернувшись в Москву, я связался с одним из ветеранов дивизии.

— Да, бой шел рядом с оврагом, — подтвердил он. — А могилу ты, парень, зря ищешь. Мы тогда, чтобы не попасть в окружение, отошли. Горстка нас осталась. И гранаты кончились. А у фрицев танки. Сожгли фрицы в том овраге тела наших солдат. И отца твоего сожгли. Лучше плохая правда, чем самая красивая ложь.

Я долго думал над словами ветерана. Правда, сказанная им, действительно горькая. Но не самая она плохая, эта правда. Отцом я могу гордиться. Смерть с возгласом «ура!» на устах — не самая ли это оптимистичная смерть для солдата? Смерть впереди своих бойцов — не самая ли это почетная смерть для комиссара? Смерть за Родину — не та ли это смерть, которая ведет к бессмертию, хотя враг и сжег тело героя, развеял его пепел по ветру?

Пепел отца, батальонного комиссара, стучит в мое сердце.

СОДЕРЖАНИЕ

Лебединая песня	2
Комариный вопрос	7
Капуста и калькулятор	10
Небылицы Зимаева	14
Сказки на новый лад	18
По ту сторону трагедии	24
Соавторы	27
Таинственный недуг	29
Вуалетка для Антарктиды	30
По заказу	31
Окно в мир	32
Для разрядки	33
Радуга	34
Мужчина, которого мы имеем в виду	36
Жив курилка!	38
Голубые петлички	42

Эдуард Иванович ПОЛЯНСКИЙ

КОМАРИНЫЙ ВОПРОС

Редактор В. Г. Победоносцев.
Техн. редактор С. М. Вайсборд.

Сдано в набор 30.07.85 г. Подписано к печати 27.09.85 г.
А 04639. Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,88. Тираж 75 000. Изд. № 2408.
Заказ 1285. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.